

Александр АГЕЕВ

www.ageev.net | DOI: 10.33917/es-4.196.2024.4-5

ГИБКОСТЬ УЛЬТИМАТУМОВ

У каждой эпохи есть начало и конец. Но точные даты революций, начала войн и их окончания — некоторая условность для удобства ориентации во времени и организации исторической памяти. Новая эпоха открытого противостояния России и Запада (США, НАТО) формально маркируется 15 декабря 2022 года. Именно в этот день, спустя 35 лет после поворота от «мирного сосуществования» с примесью холодной войны к всеобъемлющему «партнерству», по сути — курсу на «вхождение в западный мир», которое с той стороны виделось как «поглощение остатков СССР», колесо Истории вернулось к точке отсчета эпох. Цикл замкнулся.

В «ультиматуме Рябкова» была открыто высказана новая позиция России в современном раунде ее борьбы за безопасность и само существование. На российско-китайском саммите прозвучало — «таких перемен не было 100 лет», что придало еще большую глубину оценки стратегической ситуации смены эпох.

Главное геополитическое требование России — откат присутствия НАТО к уровню 1997 года. Из этого следует, что не только о включении Украины в НАТО не может идти речи с точки зрения безопасности России, но и все волны рас-

ширения НАТО после 1997 года подлежат реверсу. «Ультиматум» при этом содержал компромисс. Ведь Россия не заявила требования вернуть ситуацию на уровень 1987–1991 годов, когда ФРГ была готова на многое ради поглощения ГДР и никто не сомневался в основах миропорядка, идущего от Ялты, Потсдама и Хельсинки.

В ответ Москва получила словоблудие с фактическим высмеиванием «ультиматума» в стиле «что вы себе позволяете». За три десятилетия не только сменились западные элиты. Главное — они привыкли к тому, что Россия слаба, а ее образ нарисован не только голливудскими блокбастерами. Этот образ во многом был нарисован нахлынувшими в западные столицы и на изысканные курорты нуворишами из РФ. И особенно — их судами в Лондоне между собой, где под присягой вываливалась вся компроматная грязь друг на друга. Учтем также, что и там за это время становилось многое «все чудесатее и чудесатее».

Но главное, что закрепилось в их картинке России, — эйфория от удачной охоты. Почему же не «дожать слабака»? Так шаг за шагом, не спеша включая одну за другой страны Восточной Европы в контур ЕС и НАТО, наконец, добрались до главного восточноевропейского приза — Украины.

Готовность взять его силой и через технологии цивилизационной реконфигурации возникла не сразу, вываривалась в сложнейшей эволюции социума украинского, российского, европейского, американского, всевозможных игр, переплетенных интересами элит. Но это — другой сюжет.

Вернемся в декабрь 2022-го. Дело не в том только, что не был получен конструктивный ответ от США и НАТО. И не в том, что Россию было решено «подразнить», «истощить», а получится — и «расчлнить». Ловушка была выстроена чрезвычайно хитроумно, задан алгоритм выбора между «плохими» и «очень плохими» способами действий. Он, кстати, действует до сих пор.

Понимает ли оппонент, что Россия — ядерная сверхдержава? Понимает. Но, очевидно, полагает, что пока конфликт полыхает в диапазоне «еще не вечер», то есть еще можно «играть». Впереди, кажется оппоненту, есть простор из «ступеней лестницы эскалации».

Что делать в этой ситуации России?

Попробуем сделать сугубо гипотетические построения.

Исходная ситуация: а) продолжается эскалация конфликта. Инициатива эскалации за Западом. Внутри западного лагеря нет абсолютного единства, проводится постоянная политико-дипломатическая фиксация сплоченности членов НАТО, шаг за шагом, вперед-назад. Но так или иначе, западный альянс знает свои стратегические цели и очень любит медийный эффект, который иногда ценится «дороже денег»; б) понимая перспективу боестолкновения с войсками стран НАТО, Россия не вводит в действие непосредственно на украинском ТВД весь свой военный потенциал; в) поскольку объявлено, что Европа не спешит, планирует эскалацию, как минимум до 2030 года, то ступеньки эскалации можно проходить неторопливо. В конце концов глубинные цели и США, и Европы заключаются в чем-то ином. И это иное — превосходство в темпах установления нового мирового порядка, пока «враги» («изгои») будут расхлебывать всевозможные кризисы.

Сугубо комбинаторно по критерию «эскалация — инициатор» можно обозначить два варианта действий.

Вариант 1. Перехват Россией приоритета по управлению эскалацией и, соответственно, стратегической инициативы. При этом в комплексной многосферной битве этот приоритет должен охватывать все аспекты противоборства. Что может вызвать «шок и трепет» как условие перехвата стратегической инициативы? Это то, что

не понравится никому. Кто выстрелит первым — давняя ковбойская и дуэлянтская задачка с сильным психологическим элементом, причудами ожиданий, игрой на нервах.

Единственное, что всерьез тревожит США — угроза тотальной ядерной войны с задействованием стратегических ядерных сил России, цели которых охватывают всю континентальную часть США и основные объекты их глобальной военной-технической инфраструктуры. Только эта угроза способна поставить Вашингтон на ту грань, когда будет всеми американскими элитами и понята, и прочувствована неизбежность компромисса. Вся история холодной войны — об этом. Особенно — послевоенные Берлин, Куба, Турция, Вьетнам и Корея. Что бы ни произошло с Россией в 1990-е годы, осталось ее качество ядерной сверхдержавы, как минимум. Это означает, что наивной была бы надежда Европы на ее безусловную защиту со стороны США на некоторой ступеньке эскалации. Вопрос — «кто тут так нашкодил?» — может получить совершенно непредсказуемые оттенки. И этот вопрос может быть задан Вашингтоном и Варшаве, и Таллину, и Кишиневу, и Парижу, и Берлину, и Бухаресту, и даже Софии.

Совместное восстановление уничтоженной инфраструктуры в Европе и ее экологическое восстановление — столь же невероятный сценарий, как и союзничество СССР с Вашингтоном и Лондоном 21 июня 1941 года. Но совместная работа США, России и Китая над приведением Европы в порядок после крайне сокрушительных вооруженных инцидентов уже не кажется сегодня фантастикой.

Вариант 2. Сохранять прежнюю линию поведения и отталкиваться от действий противника, оставив ему стратегическую инициативу и предпочитая лишь ответные меры. У этой линии поведения есть трагические характеристики, в первую очередь — превращение тысяч людей в категории 200-х и 300-х. Кроме того, от лихих ударов по станциям СПРН, АЭС и аэродромам, терактов, обстрелов дронами и ракетами более 40 регионов России, вторжения в Курск до ударов все более мощными и все более дальними ракетами с обычными, а затем и с ядерными боеголовками или с начинкой из химического или биологического оружия — дистанция не столь далека, как может показаться. Ее кто-то может внезапно и слишком молниеносно проскочить. И есть риск, что стороны не разберутся сразу, кто он, этот кто-то. Ничтожно малая величина может обрушить громадные сооружения.

Мир снова повисает на волоске, соблазн перерезать который заразителен и спустя века. И все-таки вспомним, что сказал Иешуа по поводу волоска, беседуя с Понтием Пилатом. ■